

Сати
Спивакова

Нескучная
классика

Еще не всё

ШЕ
ИЗДАНИЕ
СЕРИИ ШУБНИКОВ

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ

“Благодарю тебя”

Программа с Дмитрием Хворостовским вышла в эфир 15 октября 2012 года, за день до его пятидесятилетия. Разве можно было тогда предположить, что жить ему оставалось пять лет?! До последнего дня никто не верил, что он не справится с болезнью. Понимали, что обречен, но ждали чуда. Дима и смерть — это казалось нам всем чудовищным диссонансом.

Впервые я услышала его в конце 1980-х годов. Кажется, это был его первый сольный концерт в Москве. Личное знакомство обернулось разочарованием: он показался мне высокомерным. Годы спустя Дима откровенно признался, что поначалу общение с публикой для него было ужасным стрессом, он буквально деревенел. Подружились мы в начале 2000-х, когда Хворостовский стал довольно часто выступать с оркестром Спивакова. В это время начался его роман с Флоранс, итальянской певицей, девушкой редкой красоты, говорившей на многих языках, быстро выучившей и русский! Влюбленный без памяти, Дима просто светился. Пел, как бог. Стал разговорчивым, веселым, сыпал анекдотами... Впереди его ждала лестница всемирной славы, которая казалась бесконечной, счастливый брак с любимой Флошей, рождение Максима и Нины, творческие победы. Пожалуй, только долгий мучительный развод с первой женой темной тучей висел на этом безоблачном небе.

На Западе о Хворостовском писали в превосходных категориях: “Одна из самых удивительных вокальных карьер за последние де-

сятилетия", "Его голос способен летать как бабочка и жалить как пчела", а еще его, шутя, нарекли "Сибирским экспрессом". На родине, в России, благодаря концертной программе "Песни военных лет" Дима стал настоящим кумиром даже для тех, кто ни разу не видел его в оперных постановках.

Я же обожала Хворостовского и в оперных партиях, и в камерных концертных программах. Красота и мощь его голоса удивительно сочетались с ярким актерским талантом. В нем всё казалось чрезмерным: голос, внешность, ранняя юношеская седина, темперамент, улыбка. А с годами стала появляться какая-то философская глубина, которую он, как будто стесняясь, пытался скрыть за напускной шутливостью.

Помню, однажды, давно, мы с ним поссорились. Повод был ничемный. Он вспылал, я вспылила, причем всё это в эсэмэс-переписке. Через два дня на электронную почту от него пришло письмо, в графе "Тема" было написано: "Ссора". А дальше — длинное извинение, объяснения, почему он сказал обидевшие меня слова, и главная фраза: "Мне не дает покоя наша ссора". В этом был весь Дима — трогательный и чистый.

Последний раз мы виделись в октябре 2015-го на съемках новогоднего шоу для канала "Культура". У Хворостовского было всего несколько часов, и он без всякой фонограммы, с одного дубля записал с Володиным оркестром две песни: "Как молоды мы были" А. Пахмутовой и "Благодарю тебя" А. Бабаджаняна. О его болезни тогда знали только близкие люди. А через два года Дима ушел... В последние месяцы жизни он часто переписывался с друзьями со всего мира, все старались поддержать, подбодрить, потом ему стало трудно писать, и он наговаривал сообщения. Одно из таких осталось в моей памяти: "Отпустите меня, я больше не могу... Я устал..."

РАЗГОВОР 2012 ГОДА

САТИ СПИВАКОВА Давай начнем с самого начала. Когда у тебя появилось ощущение, что опера — это твое призвание?

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ Ой, очень рано. Помню, я с самого раннего детства вместе с отцом слушал пластинки выдающихся

певцов прошлого — Шаляпина, Неждановой, Собинова, Максаковой, братьев Пироговых... А потом и зарубежных исполнителей.

- С. С.** Твоя международная карьера началась стремительно и ярко после конкурса в Кардиффе*. Но сначала все-таки был Красноярский театр оперы и балета. Ты прослужил там четыре года начиная с 1985-го. Какие воспоминания остались об этом театре?
- Д. Х.** Самые прекрасные, теплые воспоминания. Это настоящая школа была для меня.
- С. С.** Предположу, что, с одной стороны, ты чувствовал, что ты дома: твоя малая родина Красноярск, свои люди вокруг. Но с другой — все равно были амбиции?
- Д. Х.** Конечно, о чем говорить! В том возрасте особенно. Я-то представлял: вот я — а вот Карузо. Я — и Паваротти. А давали сначала петь моржей — я так называю партии “кушать подано”. И я очень оскорблялся. Моржей я перепел в театре немало — это была великолепная школа. Одного моржа я спел, вообще не зная роли.
- С. С.** Это как?
- Д. Х.** Это был Шарроне в “Тоске” Пуччини. До сих пор не знаю, кто он такой.
- С. С.** То есть психологию персонажа ты не выстраивал?
- Д. Х.** Да какая психология! А еще я пел Ёжика в “Терем-Теремке”, кто написал эту оперу, точно не помню. По выходным, в утренниках, в одиннадцать утра. Это было обязательно. Я был дежурный Ёжик. Это была большая партия. Точнее, вторая после Волка. Волка пел Евгений Олейников. Я бы за эту роль дал ему Оскара. Он потрясающе пел. Это была находка. Мы все просто ржали, валялись по сцене, когда он пел.
- С. С.** А помнишь первую серьезную партию, с которой ты вышел на сцену в Красноярске?
- Д. Х.** Кажется, для меня первой серьезной партией был Елецкий в “Пиковой даме”.

* В 1989 г. Дмитрий Хворостовский стал победителем международного конкурса оперных певцов “Кардиффские голоса”, или “Певец мира” (*BBC Cardiff Singer of the World Competition*) (Уэльс, Великобритания).

- с. с.** Победа на конкурсе принесла тебе внезапную известность. Двери открылись, но почему-то не в Большой театр или Мариинку, а сразу на Запад. Это странно. Как это вышло?
- д. х.** Почему странно. Только так двери и открываются.
- с. с.** Тебя в Большой не звали?
- д. х.** Да, звали, но только стажером. Но у нас вообще так: сначала открываются двери где-то на стороне, а потом уже ты пинком открываешь сам — какие хочешь.
- с. с.** В одном из твоих давних интервью ты сказал: “Все черты моего характера ужасны”. Ты действительно так думаешь? Или с годами что-то меняется?
- д. х.** У меня есть прекрасная черта характера — я очень самокритичен. Поэтому так и думаю. Иногда даже искренне.
- с. с.** Мне кажется — не знаю, согласишься ты или нет, — характер артиста, особенно певца, нестабилен, потому что певец очень зависим от голоса. Вот сидит передо мной большой красивый мужчина, но две тоненькие голосовые связочки и их состояние могут диктовать ему свои правила. Как будто внутри тебя другое существо, которое живет своей жизнью. И ты вроде бы можешь на него влиять, а вроде как и нет. Не права?
- д. х.** Права. Это хорошо, когда говорят о голосе как о лице одушевленном, с которым ты беседуешь. Но я таких бесед не веду. Я в принципе не отделяю голос от собственного “я”. Мой голос полностью передает, кто я, о чем я и где я.
- с. с.** Но на голос влияют не только объективные обстоятельства: погода, климат, перелеты, усталость, но еще и психофизическое состояние?
- д. х.** Да. Иначе говоря, голос — это я.
- с. с.** Точнее не скажешь, Димочка. А ты научился с годами справляться с голосом и его беречь?
- д. х.** Я-то научился, но голос уже не тот. И я не тот мальчик, которым был раньше.
- с. с.** Ну это уже к вопросу о самокритичности.
- д. х.** Нет-нет, голос действительно с возрастом меняется.
- с. с.** В чем-то, может, и в лучшую сторону?

- Д. Х.** Пожалуй, и в лучшую. Голос становится сильнее, больше, объемнее. Появляются навыки преодоления тесситурных трудностей. Это, конечно, приобретается с годами, с мастерством. Но знаешь, что теряется? Нежность и чистота. Как во всех нас. Ну, в нас — мужиках. Гинка, что ли, говорил: “Раз потерянная нежность не вернется никогда”.
- С. С.** У тебя есть какие-то проверенные упражнения для голоса на дыхание, на позицию, которые ты бы мог посоветовать, в частности, начинающим певцам. Как лучше дома совершенствовать свои вокальные данные?
- Д. Х.** Лучше заниматься с педагогом. Знаете, как американцы говорят, *Don't try it at home*.
- С. С.** Не пробуйте повторять это в домашних условиях.
- Д. Х.** Да. Запретов, конечно, не может быть никаких, потому что когда хочется петь, тогда и поется. Но нужно быть осторожным. Существует целый ряд дыхательных упражнений. Я не могу сейчас их тут показывать, но они есть.
- С. С.** А если неправильно заниматься, можно ведь убить голос?
- Д. Х.** Можно очень сильно навредить. Не сорвать, но можно напеть разные проблемные узлы, отслойки на связках и прочее, не будем в это углубляться.
- С. С.** Да, лучше не надо. Я прочитала замечательную историю про постановку “Травиаты” в Неаполе. Все идеи и находки режиссера были тебе настолько чужды, что единственной мыслью было — уйти и не участвовать. И тогда ты набрал в рот воды и стал считать: раз, два, три. И ты рассказывал, что, пока считаешь, успокаиваешься, гнев уходит и находится разумный компромисс. Мне очень понравился такой способ. Ты продолжаешь им пользоваться?
- Д. Х.** Совсем недавно я, не набрав в рот воды, решил покинуть театр на второй репетиции той же самой, кстати, “Травиаты”, только в другом театре. С очень известным, большим режиссером. Уже пожилым человеком. Я не делал резких движений, но ушел, в общем, не тихо. Потом началось: звонки от директора театра, всеобщее недоумение и ужас, удивление Флоранс, моей жены, которая уже запланировала приезд с детьми, чтобы провести каникулы вместе с па-

пой, а тут папа собирается бросать все и уходить, хлопнуть дверью... И я в конце концов нашел для себя компромисс. Я взглянул на режиссера совершенно другими глазами и проникся к нему сочувствием. Перестал критически оценивать его работу, вместо этого заставил себя режиссеру симпатизировать и начал изучать его со всех сторон. В результате я сделал своего Жермона точной копией этого режиссера. Мне кажется, получилось. Это было очень интересно. Но, знаешь, это, пожалуй, единственный случай такого начала отношений. Не могу сказать, что потом мы с этим режиссером друг в друге души не чаяли, но он меня очень любил. Ему нравилось то, что я делаю, он меня засыпал комплиментами. Впрочем, массу комплиментов я получил от него и в самый первый день. Когда людям есть что сказать друг другу, когда им интересно, они всегда находят общий язык. Всегда.

- С. С.** В твоей творческой жизни есть композитор, к которому ты относишься с особенным трепетом и чью музыку исполняешь так, будто служишь мессе. Это Георгий Свиридов.
- Д. Х.** Свиридов относился ко мне исключительно по-отечески. Я только позднее узнал, насколько строгим и суровым он мог быть в работе. Я ничего, кроме похвалы, отеческой, доброй, от Георгия Васильевича не слышал. Удивительно. Помню, как мы в 1996 году пригласили Свиридова в Лондон, на премьеру его вокальной поэмы для голоса и фортепиано "Петербург". Это была первая и единственная премьера музыки Свиридова за рубежом. Георгий Васильевич написал для "Петербурга" девять песен на стихи Александра Блока. Мы с Михаилом Аркадьевым, исполнявшим партию фортепиано, выступали в Уигмор-Холле. Как-то раз в гостинице мы поставили Свиридову только что вышедшую пластинку с нашей записью его предыдущей вокальной поэмы "Отчалившая Русь". Свиридов, опираясь на палочку, сел в кресло и с первыми звуками музыки откинулся на спинку и заснул. Причем так глубоко, сладко заснул, посапывая, похрапывая. Мы с Мишей слушали, не шевелились. Я думал: ну, старик устал. Но как только музыка замолкла, он открыл глаза и все по полочкам разобрал —

от первого до последнего номера. Причем достаточно критически. Вот так вот.

- С. С.** Правда ли, что “Петербург” Свиридов написал специально для тебя?
- Д. Х.** Да, это правда. Некоторые романсы были уже написаны — “Петербургская песня”, “Флюгер”, — но большинство произведений цикла Георгий Васильевич написал для меня. Еще продолжая выступать с поэмой “Отчалившая Русь” на стихи Есенина, очень популярной в нашей стране, я узнал об этом новом цикле. У меня до сих пор хранится присланная им кассета, где Георгий Васильевич исполняет эти песни, аккомпанируя себе на рояле. И постепенно мы с Михаилом Аркадьевым начали над ними работать. Музыка Свиридова на первый взгляд кажется незамысловатой, но ее совершенно невозможно петь без полной отдачи. А когда начинаешь погружаться в нее, открывается невероятная трагедия и глубина, абсолютная бездна. Поэтому я уже много-много лет не пою его музыку. Я даже сейчас с трудом перевожу дух, вспоминая эти работы, свои выступления.
- С. С.** Из песни слов не выкинешь. Ты пошел в массы, в популярную музыку. Как тебя на все хватает? И как тебе дается переключение из одного жанра в другой?
- Д. Х.** Мне интересно, я нахожу в этом свою прелесть. И потом, жизнь всегда состоит из ступенек, вызовов, достижения целей, преодоления. В этом ее главный смысл, а без него жить трудно... да попросту нельзя.
- С. С.** А как ты справился с брюзжанием меломанов и эстетов: “Как так, Хворостовский, который исполняет арию графа ди Луна Верди, Дон Жуана Моцарта — и вдруг поет песни Игоря Крутого!”
- Д. Х.** А что, я от этого хуже пою ди Луна?
- С. С.** Нет, но раздражало ли тебя это неприятие?
- Д. Х.** Я не читаю критику и не слежу за отзывами. Живу в своем мире.
- С. С.** Но ты же понимал, что не все это примут? Даже среди коллег...
- Д. Х.** Мне все равно.

- с. с.** Изменился ли с годами твой Онегин?
- д. х.** Очень. Вместе со мной изменился очень сильно.
- с. с.** А имеет значение, кто исполняет Татьяну?
- д. х.** Свою Татьяну я продолжаю искать. В скором времени, весной 2013 года, я буду петь Онегина с Аней Нетребко в Венской штатс-опере и жду этого с нетерпением. Мы уже исполняли вместе сцены из “Онегина”, и я знаю, насколько Аня может быть глубокой и выразительной. Она потрясающая певица.
- с. с.** А есть музыка, к которой ты не прикасаешься принципиально?
- д. х.** Которая мне неинтересна?
- с. с.** Да. Ну, Вагнер, скажем.
- д. х.** Мне интересен Вагнер.
- с. с.** Но ты его практически не поешь. Почему?
- д. х.** Дело в том, что я не воспитан на этой культуре, вагнеровской.
- с. с.** Однако ты поешь Малера, поешь на немецком языке.
- д. х.** Малера я начал петь совсем рано, еще со студенческой поры, я всегда его любил. Малер мне ближе, он очень славянский композитор.
- с. с.** Давай поговорим о том, какую роль в жизни “кочевника” Димы играет женщина по имени Флоранс.
- д. х.** Это необычайное счастье! Это любовь, это поддержка, это вдохновение, это муза, это мать моих детей. Моих прекрасных детей, которых мы очень-очень любим.
- с. с.** А Максим и Ниночка уже ходят в оперу слушать тебя?
- д. х.** Да, конечно.
- с. с.** Вы же вообще легкие на подъем люди, берете детей и летаете через океан... А были в твоей жизни такие выступления, после которых ты думал: “Как бы я хотел, чтобы Максим и Нина слышали, как я пел сегодня”?
- д. х.** Скорее, не так. Скорее, я думал: “Как было бы здорово, если бы мой папа меня услышал!”
- с. с.** Папа часто тебя слышит.
- д. х.** Сейчас он все меньше и меньше ездит. Совсем недавно они были у нас в Вене. И Фло была, и мои друзья. Все при-

ехали послушать “Симона Бокканегра” Верди. Я очень люблю его петь. Это моя лучшая роль.

И так случилось, что к этому спектаклю я заболел. Причем заболел совершенно несносно. Обычно, когда я заболеваю, я еще кое-как могу петь. Но у меня так жутко болело горло, что я хотел остановить спектакль. Ко мне пришли уговаривать. В конце концов Ферруччо Фурланетто, который пел Феско, меня уломал: “Ну что тебе стоит, там осталось всего ничего”. Ничего себе “ничего”! Вся заключительная сцена. Я допел до конца. И мои родители были на этом кошмаре. Хорошо, что они остались еще на последний спектакль, который я пел уже не очень больной. После него мама мне сказала: “Да, Дима, теперь ты себя реабилитировал в наших глазах”.

- с. с.** Дорогой Дима, мы все можем только гордиться, что мировой трон баритонов надолго и прочно занят нашим русским парнем. Не могу не воспользоваться выпавшей мне возможностью и счастьем одной из первых поздравить тебя с днем рождения, поскольку он у тебя завтра.

САУНДТРЕК

Произведения в исполнении Дмитрия Хворостовского:

П.И. Чайковский. Евгений Онегин. Метрополитен-опера.

Дж. Верди. Травиата. Театр Ла Фениче (Венеция).

Г.В. Свиридов. Петербургская песенка. На стихи А.А. Блока.

“Темная ночь”. Музыка Н.В. Богословского, слова В.Г. Агатова.

Дж. Верди. Трубадур. Метрополитен-опера. Партия графа ди Луна.